

ЧЕТВЕРО. РАЗНЫЕ. НО СВЯЗАНЫ.

КОЛЫБЕЛЬ ТЕНЕЙ

— КНИГА ПЕРВАЯ —
ЧАСТОТА ПАДАЮЩИХ ЗВЁЗД

«НАСТОЯЩАЯ СИЛА —
НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ БЫТЬ ОСОБЕННЫМ.
А В ТОМ, ЧТОБЫ НЕ БОЯТЬСЯ БЫТЬ СОБОЙ.»

18+

Tom Weaper

Колыбель теней: часть первая

<https://litres.ru/74326367>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Колыбель теней»

Иногда жизнь меняется не в тот момент, когда происходит что-то страшное.

А в тот, когда ты впервые понимаешь, что что-то было не так с самого начала.

Обычный город. Обычные люди. Обычная жизнь — пока однажды в привычной реальности не появляется трещина.

Сначала это всего лишь странное совпадение. Затем — тревожное ощущение, что за тобой наблюдают. Незнакомые лица. Забытые воспоминания. Вопросы, на которые никто не хочет отвечать.

Чем дальше, тем труднее отличить случайность от закономерности, воспоминание — от лжи, а друга — от человека, которому нельзя доверять.

Некоторые тайны лучше не искать.

Потому что стоит сделать первый шаг навстречу неизвестному — и дороги назад может уже не оказаться.

А иногда самое страшное открытие заключается не в том, что кто-то скрывает правду.

А в том, что правда всё это время скрывалась от тебя.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Колыбель теней:

часть первая

Глава

Глава 1. Частота падающих звёзд

Миллерс-Ридж засыпал рано.

К десяти вечера улицы пустели, жёлтые окна гасли одно за другим, и только редкие фонари дрожали на ветру — будто им было холодно и одиноко. Городок лежал в ложбине между холмами: старая монета на дне колодца, забытая, но всё ещё блестящая, если знать, куда смотреть.

Калеб Ашер знал.

Ему было восемнадцать, и лучшее место на земле находилось в чаще леса, в миле от города. Старый ржавый фургон, «Форд» семидесятых, с выломанными сиденьями и дырой в полу, сквозь которую пробивалась трава. Колёса давно сгнили, кузов врос в землю — как корабль, выброшенный на берег и забытый приливом. Мох покрывал капот зелёным бархатом. В бардачке жила мышинная семья — Калеб слышал

их простые, ясные мысли: «Тепло. Еда. Безопасно». Он им завидовал.

На крыше фургона, под бесконечным августовским небом, Калёб чувствовал себя почти нормальным. Голоса затихали. Не исчезали совсем — они никогда не исчезали, — но становились тише. Как радио, уведённое в другую комнату. Как дождь за окном. Как дыхание спящего города.

Он лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел на звёзды. Персеиды были в самом разгаре — метеоры чиркали по чёрному бархату, оставляя серебряные полосы, которые гасли быстрее мысли.

— Ты его сожжёшь.

— Я его подрумяню.

Ронан Вэйд сидел рядом, свесив босые ноги с крыши, и держал на ладони маленький огонёк — ровное золотистое пламя, похожее на лепесток тюльпана. Над огоньком, нанизанный на прутик, дрожал зефир. Пламя плясало, лизало сахарную плоть, и в темноте было видно, как мерцают янтарные искры в зрачках Ронана — безошибочный признак сосредоточенности.

— Это разные вещи, — продолжал Ронан, не отрывая взгляда от зефира. — Как загар. Ты же не кричишь человеку на пляже: «Эй, ты сгорел, идиот». Ты говоришь: «У тебя красивый загар». А внутри завидуешь, потому что сам обгораешь за пятнадцать минут и потом неделю ходишь красный, как варёный рак.

— Это очень специфичный пример.

— Это мой личный опыт. Я рыжий, Кaleb. У меня два варианта: либо быть бледным как поганка, либо красным как помидор. Третьего не дано.

— Ты можешь сам себя обогреть. Это твой третий вариант.

— Я не могу загорать от собственного пламени. Пробовал — получаются только ожоги. — Ронан поморщился и машинально потёр шрамы на предплечьях — серебристые, блестящие в лунном свете. — И шрамы.

Зефир начал темнеть — медленно, неравномерно. Ронан закусил губу. Пламя на его ладони дрогнуло.

— Почти... почти... сейчас будет идеальная золотистая корочка...

Зефир вспыхнул. Чёрный дым взвился в ночное небо. Обгоревший комок сполз с прутика и упал в траву, где ещё секунду тлел, прежде чем погаснуть.

— Чёрт.

Ронан задул пламя на ладони и сунул прутик в рот — просто чтобы чем-то занять рот. Поморщился.

— Вкусно? — спросил Калёб.

— Как пепел и сожаление. С нотками карамели. Если очень-очень сильно напрячь воображение. И добавить сахара. И, может быть, амнезию, чтобы забыть, каким он должен был быть на самом деле.

— Ты драматизируешь.

— Я реалист. Реалист, который только что кремировал невинный зефир.

— Ты держишь его слишком близко, — раздался голос снизу. — Если расположить на расстоянии семи целых трёх десятых сантиметра от источника пламени, тепловое излучение распределяется равномерно. Я проводил замеры.

Сайлас Винн сидел в проёме фургона, скрестив ноги, и при свете налобного фонарика собирал какой-то механизм. Вокруг него, разложенные на старом одеяле в идеальном порядке, блестели инструменты. Медные пластины, транзисторы, моток тонкой проволоки. Всё подписано. Всё на своих местах.

— Ты проводил замеры зефира? — Ронан уставился на него.

— Я провожу замеры всего. Зефир — объект исследования с интересными термическими свойствами. Например, знаешь ли ты, что точка возгорания маршмеллоу зависит от содержания влаги? Чем суше зефир, тем быстрее он загорается. Я составил график.

Сайлас достал из кармана блокнот — потрёпанный, с загнутыми уголками, — и пролистал до нужной страницы.

— Вот. «Зависимость времени возгорания от влажности». Видишь кривую? Твой зефир был слишком сухим. Ты продержал его на воздухе три минуты перед жаркой. Этого достаточно, чтобы влажность упала на восемнадцать процентов, а точка возгорания снизилась на сорок два градуса.

Ронан открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Ты... ты взял мой зефир и измерил его влажность?!

— Разумеется. Как иначе я мог бы дать тебе точную рекомендацию?

— Ты не давал мне рекомендацию! Ты сидел и смотрел, как я его сжигаю!

— Я собирал данные. — Сайлас поправил очки. — Это более ценно в долгосрочной перспективе.

— Более ценно?! — Ронан спрыгнул с крыши и приземлился перед фургоном. — Я тут страдаю, понимаешь? Я пытаюсь достичь просветления через зефир, а ты... ты сидишь и записываешь мои неудачи в блокнот!

— Не только записываю. Я также анализирую. Вот смотри: за последние три недели ты сжёг двадцать четыре зефира из тридцати шести. Успешность — тридцать три процента. Но если исключить случаи, когда ты отвлекался на разговор, успешность возрастает до пятидесяти двух.

Ронан застыл. В его глазах медленно разгорались янтарные искры.

— У тебя есть таблица. Моих. Зефиров.

— И график. С цветовой кодировкой. Зелёный — успех, красный — неудача, жёлтый — частичный успех с незначительным подгоранием.

— Сайлас.

— Да?

— Я тебя сейчас ударю.

— Вероятность — двадцать процентов. Ты слишком удивлён, чтобы драться. Когда ты удивлён, твой гнев запаздывает на четыре-пять секунд. Я замерял.

Ронан сжал кулаки. Потом разжал. Потом издал звук, похожий на смесь рычания и смеха.

— Ты замерял задержку моего гнева.

— Конечно. Это помогает предсказывать твои реакции.

— Ты предсказываешь мои реакции!

— С точностью до семидесяти восьми процентов. В остальных случаях ты ведёшь себя иррационально, и это портит статистику.

— Я порчу тебе статистику?!

— Регулярно.

Калёб лежал на крыше и смеялся — тихо, беззвучно, чтобы не пропустить ни одной реплики. Это было лучшее лекарство. Лучше любых таблеток, лучше любых техник релаксации. Ронан и Сайлас, спорящие о зефире с такой страстью, будто речь шла о судьбах мира.

— Знаешь что, — Ронан ткнул пальцем в сторону Сайласа, — когда-нибудь я всё-таки поджарю идеальный зефир. И ты запишешь это в свою таблицу зелёным цветом.

— Я с нетерпением жду этого момента.

— Правда?

— Правда. Это улучшит твою статистику. Мне надоело видеть красный.

Ронан застыл с открытым ртом, не зная, обижаться или

смеяться. В итоге он сделал и то, и другое — издал короткий смешок и одновременно замахнулся на Сайласа, но тот уже привычно увернулся.

— Промах.

— Я не промахнулся. Я передумал.

— Передумал за долю секунды до контакта? Это физически невозможно.

— Я — ходячее пламя. Я нарушаю законы физики.

— Законы физики нельзя нарушить. Их можно только обойти при определённых условиях.

— Я — определённое условие!

— Мальчики, вы опять?

Третий голос — не мысль, настоящий, живой, — прозвучал от кромки леса.

Элара Веспер вышла из темноты. Лунный свет лежал на её пепельно-русых волосах серебром. Коса, переброшенная через плечо, чуть растрепалась, и несколько прядей выбились

у висков. В руках она несла плетёную корзинку, а на губах играла та самая улыбка, от которой у Калеба всегда сбивалось дыхание.

— Он начал первый, — сказал Ронан, указывая прутиком на Сайласа.

— Я констатировал факт, — возразил Сайлас. — Констатация факта не является актом агрессии.

— Ты констатировал факт о моих зефирах! О моих чувствах!

Элара подошла к фургону и с лёгкостью, которой трудно было ожидать от человека с корзинкой, забралась на крышу. Устроилась между Калемом и тем местом, где сидел Ронан.

— Бабушка передала пирог. Яблочный. Сказала: «Твои друзья слишком худые, особенно тот, который всё время считает».

— Я не считаю. Я анализирую.

— Она сказала: «Передай ему, что если он не съест два куска, я лично приду и накормлю его с ложечки».

Повисла пауза. Сайлас переваривал информацию.

— Это эффективная угроза, — признал он. — Твоя бабушка — единственный человек в городе, которого я не могу просчитать.

— Потому что она старше тебя на шестьдесят лет и знает о жизни больше, чем ты — о квантовой механике.

— Я знаю о квантовой механике всё. О жизни — пытаюсь узнать. Это сложнее.

— Это потому что жизнь — не уравнение, — сказала Элара.

— Всё — уравнение. Просто некоторые уравнения слишком сложны для моего текущего уровня понимания.

— Ты сейчас сказал, что ты недостаточно умен для жизни?

Сайлас задумался.

— В некотором смысле. Я умен для физики, математики и информатики. Для жизни мне не хватает... чего-то.

— Сердца, — подсказал Ронан, забираясь обратно на крышу.

— Сердце — это мышца. У меня она есть и функционирует нормально.

— Ты безнадежен.

— Это мы уже обсуждали. Сто пятьдесят первый раз, если быть точным.

Элара рассмеялась, доставая пирог. Запах яблок, корицы и чего-то уютного поплыл над фургоном.

— Бабушка сказала, что это «пирог для странных, но хороших детей».

— Мы не дети, — заметил Ронан, отламывая кусок.

— Для неё все моложе семидесяти — дети. Привыкай.

— Мне это нравится, — сказал Калёб. — Быть чьим-то ребёнком.

Элара посмотрела на него. В её зелёных глазах мелькнуло понимание. Она знала, что он имел в виду.

— Ты — наш, — сказала она тихо. — Этого достаточно.

Калёб кивнул. Слова застряли в горле. Он взял кусок пирога и молча ел, глядя на звёзды.

— Кстати, — сказал он через минуту, — шериф Маркус сегодня размышлял кое о чём ещё.

— О пончиках? — хором спросили Ронан и Сайлас.

— Не только. О машине. Чёрный седан. Стоял у въезда в город три дня подряд.

Сайлас оторвался от пирога.

— Марка?

— Я не разбираюсь в машинах. Но номера правительственные. Шериф попытался пробить по базе — и не смог.

— Это странно. — Сайлас достал блокнот и сделал пометку. — Правительственные номера всегда есть в базе. Если их там нет — это не правительственная машина. Или правительственная, но очень секретная.

— Может, просто сбой системы? — предположила Элара.

— Вероятность совпадения — ноль целых два процента.

— То есть это не совпадение, — сказал Ронан.

— Скорее всего, нет.

Повисла пауза. Ветер зашумел в кронах. Где-то далеко залаяла собака.

— Завтра проверим, — сказал Ронан. — Если машина ещё здесь — узнаем, кто за рулём.

— Нет, — сказал Калёб. — Я сам.

— Ты?

— Если это кто-то опасный, я услышу его мысли раньше, чем он успеет что-то сделать.

— А если он тоже слышит мысли? — спросил Сайлас.

Калёб замер. Эта мысль не приходила ему в голову.

— Тогда я хотя бы узнаю об этом первым.

Ронан хотел возразить, но передумал. Он знал этот взгляд Калеба — упрямый, сосредоточенный. Спорить было бесполезно.

— Я пойду с тобой, — сказал он.

— Я тоже, — добавил Сайлас, закрывая блокнот. — Кто-то должен вести протокол наблюдения. И, возможно, вызвать скорую.

— Оптимистично, — заметил Кaleb.

— Реалистично.

Элара ничего не сказала. Но её рука нашла руку Калеба и сжала её. Молча. Она всегда говорила молча — и это было громче любых слов.

Ночь сгущалась. Где-то далеко, на окраине спящего города, чёрный седан стоял у заброшенной заправки с выключенными фарами. Внутри сидели двое. Мужчина с пустым лицом — лицом, которое забыло, как выражать эмоции, — и девушка в маске, чьи руки дрожали, как у человека, который очень давно не ел.

Они смотрели на спящий Миллерс-Ридж.

И ждали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.